Языковая репрезентация *роста* человека в мансийской и русской фразеологических картинах мира

О. Ю. Динисламова

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
o.dinislamova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Введение: в статье рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ) мансийского и русского языков как лексические средства описания внешности человека в рамках семантического разряда *рост* человека; выявляется отражение народных представлений о *росте* человека; определяются универсальные и специфические параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов; описываются компоненты семантики и образные внутренние формы, создающие национально-культурную специфику исследуемых фразеологизмов.

Цель работы: рассмотреть языковую репрезентацию *роста* человека в мансийской и русской фразеологии в контексте лингвокультурологического содержания национальных картин мира.

Материалы исследования: материалом для исследования послужили фразеологизмы северного диалекта мансийского языка, метафоры и устойчивые выражения художественной письменной литературы манси, репрезентирующие внешность человека в рамках семантического разряда *рост* человека, а также русские ФЕ, извлечённые методом сплошной выборки из фразеологических словарей.

Результаты и научная новизна: результатом проводимого исследования явилось выявление национально-культурного своеобразия фразеологизмов мансийского и русского языков, репрезентирующих внешность человека в рамках семантического разряда *рост* человека, а также универсальных и специфических признаков фразеологизмов сопоставляемых языков. Научная новизна исследования заключается в том, что в работе предпринимается лингвокультурологический анализ феномена «человек» с точки зрения его фразеологической репрезентации в разносистемных языках в рамках семантического разряда *рост* человека. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в лексикографической практике при составлении фразеологического словаря мансийского языка, а также словарей антропоцентрической фразеологии сопоставительного плана.

Ключевые слова: фразеология, мансийский язык, фразеологизмы мансийского языка, фразеологизмы русского языка, рост человека, внешность человека, этнокультура.

Благодарности: автор статьи выражает благодарность рецензентам и информантам, прекрасно владеющими мансийским языком, обладающими глубокими знаниями традиций и культуры народа манси.

Для цитирования: Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация роста человека в мансийской и русской фразеологической картинах мира // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 30–39.

The language representation of human stature in the Mansi and Russian phraseological pictures of the world

O. Yu. Dinislamova

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
o.dinislamova@yandex.ru

ABSTRACT

Introduction: the article deals with the phraseological units (PU) of the Mansi and Russian languages as lexical means of description of a person's appearance within the semantic category of human *stature*; the reflection of people's ideas about human *stature* is revealed; the universal and specific parameters of figurativeness of metaphorical expressions in description human *stature* are determined; the components of semantics and figurative internal forms that create the national and cultural specificity of the PU are described.

Objective: to consider the language representation of human *stature* in the Mansi and Russian phraseology in the context of the linguocultural content of national pictures of the world.

Research materials: the PU of the Northern dialect of the Mansi language, metaphors and fixed expressions of Mansi literature, representing the appearance of a person within the semantic category of human *stature*, as well as the Russian PU, extracted from phraseological dictionaries by a continuous sample.

Results and novelty of the research: the result of the research is the identification of national and cultural originality of the PU of the Mansi and Russian languages, representing the appearance of a person within the semantic category of human *stature*, as well as universal and specific features of the PU of the compared languages. The scientific novelty of the research lies in the fact that the work uses linguocultural analysis of the phenomenon of “a person” in terms of phraseological representation in languages of different systems within the semantic category of human *stature*. The practical significance of the research is determined by the possibility of using its results in lexicographical practice in compiling of the phraseological dictionary of the Mansi language, as well as dictionaries of anthropocentric phraseology of the comparative plan.

Key words: phraseology, Mansi language, phraseological units of the Mansi language, phraseological units of the Russian language, human stature, human appearance, ethnoculture.

Acknowledgements: the author expresses gratitude to the reviewers and informants who are fluent in the Mansi language, have a deep knowledge of the traditions and culture of the Mansi people.

For citation: Dinislamova O. Yu. The language representation of human stature in the Mansi and Russian phraseological pictures of the world // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9(1): 30–39.

Введение

Одним из важнейших объектов антропоцентризма является внешность человека. Её описание занимает важное место в этической и эстетической картине любой цивилизации, а также в жизни каждого отдельного человека, поскольку оно является основой формирования самооценки и внешней оценки человеческого облика. При этом критерии и стандарты внешности имеют национальные отличия, обусловленные определённой культурной спецификой, в частности, в мансийской и русской картине мира.

Семантическое поле фразеологизмов качественной характеристики человека по его внешности обширно, но все они укладываются в строго выверенную систему, структурирование которой подчиняется определённым параметрам, принципы же её универсальны. Как показывает их изучение, наиболее частотными единицами, представляющими человека во фразеологической картине мира (ФКМ), являются *признаковые* фразеологизмы, которые выражают качественную характеристику по его внешним данным. Эти фразеологизмы состоят из нескольких семантических разрядов. В пределах семантической группы внешность человека на основе противопоставления признаков могут быть выделены такие семантические разряды, в составе которых возможна их дальнейшая семантическая классификация. К таким семантическим разрядам могут отно-

ситься *красота, возраст, здоровье, одежда, рост* и т. д., то есть предметом исследования являются фразеологизмы, описывающие характеристики человека по различным зрительно воспринимаемым признакам. В рамках данной статьи остановимся на рассмотрении семантического разряда *рост* человека.

Большую часть фразеологии мансийского языка составляет диалектная фразеология, которая создаётся и живёт в речи народных масс. Диалектный фразеологический состав исключительно богат и разнообразен. Однако в мансийском языкознании этот пласт остаётся теоретически и лексикографически не разработанным.

Следует отметить, что до сих пор нет лексикографических и фразеологических словарей мансийского языка, которые могли бы дать некоторое представление о фразеологии. Данный факт объясняется отсутствием комплексных исследований в области фразеологии, недостаточностью теоретического материала, обобщающего данные исследования, что, не в последнюю очередь, связано с трудоёмкостью сбора фактического материала ввиду экстремально малого числа носителей мансийского языка.

На сегодняшний день по некоторым вопросам фразеологии мансийского языка опубликованы статьи Д. В. Герасимовой, О. Ю. Динисламовой. В близкородственном мансийскому хантыйском языке существенный вклад в развитие хантыйской фразеологии внесла

В. Н. Соловар. Исследованию фразеологии хантыйского языка посвящён также ряд работ, представленных А. А. Сязи, М. Е. Серасховой, А. И. Кузнецовой, А. Д. Каксиным, З. С. Рябчиковой, Ю. Г. Миляховой.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили фразеологизмы северного диалекта мансийского языка, метафоры и устойчивые выражения художественной письменной литературы манси, репрезентирующие внешность человека в рамках семантического разряда *рост* человека, а также русские ФЕ, извлечённые методом сплошной выборки из фразеологических словарей.

Ведущими собственно лингвистическими методами при изучении параллельных идиоматических явлений в рассматриваемых языках являются сравнительно-сопоставительный и описательный методы. Частично использовался интерпретативный метод, метод сплошной выборки, а также фразеологический метод идентификации.

Результаты

В разряде качественной характеристики человека по *росту* выделяется противопоставление «*высокий* – *низкий*». Такие ФЕ выступают как обозначение некой вертикали размера, своеобразных семантических «отметок» на этой вертикали.

Общий корпус мансийских фразеологизмов, репрезентирующих *рост* человека, составляет 21 ФЕ. Кроме того в подборку в качестве вспомогательного иллюстрирующего материала включены 7 устойчивых выражений, систематически воспроизводимых в фольклоре, при этом не являющихся часто употребимыми в речи, а также образные метафорические выражения, извлечённые из художественных произведений мансийского писателя Ювана Шесталова [16; 17; 18; 19]. В русском языке корпус фразеологизмов, репрезентирующих *рост* человека, составляет 18 единиц.

Отметим, что метафорические выражения Ювана Шесталова не учитываются в приводимой статистике работы, образы данных метафор не сопоставляются с образами русских фразеологизмов, поскольку в исследова-

нии мы разделяем точку зрения В. Н. Телия, которая указывает на то, что в художественных и публицистических текстах обычно отражается индивидуально-авторская модель культуры, культурологическая интерпретация которых может носить сугубо индивидуальный характер. Отсюда она делает вывод, что единственным стабильным источником для моделей, отражающих менталитет той или иной лингвокультурной общности, выступает общенародный обиходный язык, являющийся хранилищем, транслятором и знаковым воплощением культуры [10, 235]. Тем не менее, мы не могли не представить индивидуально-авторские выражения Ю. Шесталова, поскольку всякое литературное творчество опирается на традиционную картину миру.

Фразеологический материал получен методом сплошной выборки из следующих источников: мансийские фольклорные тексты – «Именитые богатыри Обского края» [3; 4; 5; 6], «Медвежьи эпические песни манси (вогулов)» [7], «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)» [8], «Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей» [2]; личная картотека автора статьи, составленная в процессе работы с носителями языка: М. Т. Двиняниновой, М. В. Кумаевой, Г. П. Самбиндаловой (верхнесосьвинский говор), Д. Т. Лисовой, С. С. Динисламовой, В. И. Ивановой (среднесосьвинский говор), Л. Н. Панченко, Т. Д. Слинкиной, Г. Н. Ларионовой (сыгвинский говор); фразеологические словари на русском языке: «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова [12], «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова [13] и «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова [14].

Репрезентация *роста* человека в сопоставляемых языках находит своё воплощение через систему прямозначных лексем и комплекс образных выражений разной структурной и семантической организации.

В мансийском языке прямозначными при номинации *высокого* роста человека являются лексемы *карс*, *карыс* ‘высокий’ [9, 40], *яныг* ‘большой, крупный’ [9, 163]; *хоса* ‘длинный’ [9, 143]; *низкого* – *талква* ‘низкий, мелкий’ [9, 121]; *мāнь* ‘мелкий, маленький, малюсенький’ [9, 62].

В русском языке для номинации *высокого* ростом человека используются лексемы *большой, длинный, здоровый, рослый, долговязый, высоченный, дюжий*; *низкого* роста – *маленький, небольшой, короткий, невысокий, приземистый, коротенький, низенький, низкорослый, малорослый, мелкорослый*.

Для репрезентации *высокого* ростом человека в мансийском и русской ФКМ используются такие фразеологизмы как: манс. *хоса кёрсоль* ‘высокий (букв.: длинный гвоздь)’; *хоса хõмца* ‘высокий (букв.: длинная плётка (кнут)’); *хоса я́мсык* ‘высокий (букв.: длинный ямщик)’; *тāрыг яныт* ‘высокий (ростом) (букв.: с сосну величиной)’; *тāрыгсов āги* ‘высокая ростом (женщина)’ (букв.: дочь сосны); *ййв карсыт* ‘высокий (букв.: с дерево высотой)’; *осься юнтуп* ‘высокий и худой (букв.: тонкая игла)’ (фольк.); рус. *пожарная каланча, коломенская верста, (ростом) в косую сажень, дядя-достань-воробушка (птичку), длинный как жердь*.

Мансийское прилагательное *хоса* ‘длинный’ в составе фразеологизмов *хоса кёрсоль* и *хоса хõмца* усиливает их образность, вызывая представление о чём-то непомерно вытянутом в длину. Данная лексема в представленных фразеологизмах является необходимой составной частью, без неё их образность разрушается, то есть нельзя уподобить высокого человека просто плётке (кнуту) или гвоздю, так как данные предметы могут быть как длинными, так и короткими. В русском языке данным фразеологизмам соответствует ФЕ *длинный как жердь*, содержащая в составе прилагательное *длинный*. Рассмотренные фразеологизмы являются смысловыми эквивалентами, при этом прилагательные в них указывают не на один (*высокий рост*), а два признака во внешности человека – высокий рост и сильную худобу.

В образах мансийского ФЕ *хоса я́мсык* ‘высокий (букв.: длинный ямщик)’ и русского ФЕ *дядя-достань-воробушка (птичку)* лежит явное указание на образ высокого мужчины. Образ ямщика, заимствованный из русской лингвокультуры, свидетельствует о том, что русский мужчина выделялся ростом на фоне преимущественно невысокого роста мансийских людей. Образное содержание русского фразеологизма указывает на непомерно высокого мужчину, чей рост бросается в глаза даже

представителям своего народа. Отметим, что в основе мансийского фразеологизма содержится указание на профессию.

В значение мансийских фразеологизмов *тāрыг яныт* ‘высокий (букв.: с сосну величиной)’; *тāрыгсов āги* ‘высокая ростом (женщина)’ (букв.: дочь сосны) и *ййв карсыт* ‘высокий (букв.: с дерево высотой)’ включено сравнение высокого человека с *сосной, деревом* со значением «вытянутый вверх, высокий, длинный», при этом в представленных образах не содержится явного указания на худобу человека. Данные ФЕ по своей образности близки русским фразеологизмам *пожарная каланча* и *верста коломенская*, в которых сравнение с *каланчой* и *верстой* также указывает только на один признак – высокий рост.

Человек *низкого* роста в исследуемых языках может быть репрезентирован посредством таких фразеологизмов как: манс. *пāнт лāхыс* ‘низкий, невысокий, приземистый (букв.: плоский гриб)’; *талква пāкиль* ‘низкий, невысокий, приземистый (букв.: низкорослый ствол)’; *пилсам нā* ‘миниатюрная, маленькая женщина’ (букв.: с ягоду женщина)’; *мāнь кāтуп-лāглуп нāкве* ‘миниатюрная, маленькая женщина’ (букв.: с маленькими руками-ногами женщина)’; *мāнь нēлп-самп нāкве* ‘миниатюрная, маленькая женщина’ (букв.: с маленькими носом-глазами женщина)’. В русском языке *низкий* рост репрезентируется посредством следующих ФЕ: *ростом не вышел, в пупок дышит, с ноготок, мальчик-с-пальчик, мужичок с ноготок, девочка-дюймовочка, метр с кепкой, метр без кепки, ариин с шапкой*.

Отметим, что в мансийском и русском языках имеется ряд фразеологизмов с основным значением *маленький, невысокий* рост, содержащих указание и на маленький *возраст*: манс. *пасан ёлы-пāлт иу ёми* ‘маленький (возрастом) (букв.: под стол ещё ходит)’; *пасан ёр-ныл ат нāглы* ‘маленький (возрастом) (букв.: из-за края стола не виднеется)’; *кўр аланыл ат нāглы* ‘маленький (возрастом) (букв.: до верха печки не достаёт)’; рус. *от горшка два (три) вершка, от земли не видать (не видно), чуть от земли видать (видно), под стол пешком ходит*. Как видно, мансийская ФЕ *пасан ёлы-пāлт иу ёми* ‘маленький (букв.: под стол ещё ходит)’ имеет полный русский эквивалент *под стол пешком ходит*.

Помимо вышеприведённых фразеологизмов в мансийском языке при репрезентации *низкого, маленького* роста было выявлено значительное количество устойчивых сравнений (УС), например: *яныг тулѣвыл яныт* 'невысокий, низкий (букв.: с большой палец величиной)'; *тулѣвыл яныт* 'маленький (букв.: с палец величиной)'; *пилсам яныт* 'миниатюрный, маленький (букв.: с ягоду величиной)'; *сак яныт* 'маленький (букв.: с бусинку величиной)'; *туля яныт* 'маленький (букв.: с напёрсток величиной)'; *суйпил лүпта яныт* 'маленький (букв.: с брусничным лист величиной)'; *паквсам яныт* 'маленький (букв.: с кедровый орех)'. В значительном количестве УС с рассматриваемым значением содержатся в мансийских фольклорных текстах, например: *лэуын лэг яныт* 'маленький, невысокий (букв.: с беличий хвост величиной)'; *патум вѣс яныт* 'маленький, невысокий (букв.: с линияую утку величиной)'; *сѣлы палъ яныт/карсыт* 'маленький, невысокий (букв.: с оленьё ушко величиной/высотой)'; *патум пирва люлит* 'маленький, невысокий (букв.: с линиялого чирка высотой)'; *ѣмп лэг яныт* 'маленький, невысокий (букв.: с собачий хвост величиной)' и т. п., а также в произведениях мансийских писателей, например: *сѣхри яныт койрись* 'маленький ребёнок (букв.: величиной с тонкий ножичек дитятко)'.

В русском языке для описания человека низкого, маленького роста были зафиксированы такие УС как: *с ноготок, мальчик-с-пальчик*. Помимо собственно идиом, репрезентирующих *низкий* рост, в качестве устойчивых экспрессивных разговорных выражений со значением *маленький, невысокий* активно используются и такие индивидуально-авторские языковые единицы как *мужичок с ноготок* (Н. А. Некрасов), *девочка-дюймовочка* (Х. К. Андерсон).

Образные основы мансийских УС *яныг тулѣвыл яныт* 'невысокий, низкий' (букв.: величиной с большой палец) и *туля яныт* 'маленький (букв.: величиной с палец)' являются схожими по семантике с русским УС – *с ноготок*: если манси сравнивают человека маленького роста с большим пальцем руки или просто с пальцем, то русские – с ногтем пальца руки.

УС *пилсам яныт* 'миниатюрный, маленький (букв.: величиной с ягоду)' и *сакв яныт*

'миниатюрный, маленький (букв.: величиной с бусинку)' в своём смысловом значении являются близкими русским УС *от земли не видать, чуть от земли видно*, имея общий признак 'некто очень маленький'.

Итак, анализ фразеологизмов мансийского и русского языков позволил установить, что существенная роль при репрезентации *роста* человека принадлежит *соматическим компонентам*, при этом было установлено, что они включаются только в состав фразеологизмов, репрезентирующих *низкий рост*: манс.: *лэг* 'хвост', *кѣт* 'рука', *лѣгыл* 'нога', *нѣл* 'нос', *сам* 'глаз', *паль* 'ухо', *тулѣвыл* 'палец', *яныг тулѣвыл* 'большой палец'; рус. *пупок, пальчик, ноготок*. Здесь заметим, что по сравнению с русским, мансийский язык предлагает большее разнообразие ФЕ, связанных с репрезентацией *роста* человека посредством соматических компонентов. Универсальным образом сравнения в мансийской и русской ФКМ является образ *пальца*.

Анализ фразеологизмов, репрезентирующих *рост* человека в исследуемых лингвокультурах позволил выделить универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорических переносов.

У представителей одной и той же лингвокультурной общности совокупность ассоциаций, возникающих при восприятии человеком окружающего мира, складывается в определённую систему, которую Н. И. Жинкин назвал универсальным предметным кодом [11], который совершенно отчётливо проступает в метафорах, служащих средством освоения эмпирически познаваемой действительности и в то же время – её оценивания в образах-эталонах, имеющих прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, духовным и материальным ценностям. Вот почему столь важным представляется рассмотрение метафоры, её функциональной роли, в том числе в процессе метафоризации фразеологических выражений.

Метафора считается эстетически привлекательной и воздействующей на эмоции человека из-за своего когнитивного несоответствия [25]; это утверждение подтверждается соответствующими нейронными эффектами метафоры [22]. Считается, что метафора включает в себя несколько ключевых

атрибутов в контексте эмпирического исследования (например, ознакомление, образность, *imageability*) [20; 21]. Образность метафоры относится к той степени, которая не соответствует буквальным аналогам образа [24; 20]. Чем более инконгруэнтным является метафорическое выражение, тем труднее его понять [21]; таким образом, степень образности указывает на сложность метафоры. Ещё одним важным показателем является *imageability* – свойство вербального выражения, указывающее, как легко человек может сформировать связанный мысленный образ [23].

Так, представленный фразеологический материал мансийского и русского языков позволяет установить, что в обоих исследуемых языках в составе фразеологизмов активно реализуется *артефактная* метафора, способствующая представлению, осмыслению, познанию и оценке сущности отвлечённых понятий в опоре на конкретные образы, отсылая нас к предметному, вещному коду традиционных культур манси и русских. По мнению А. П. Чудинова, в языковой картине данная группа метафор наиболее структурирована, поскольку человек реализует себя в создаваемых им вещах – артефактах, и «...созидательный труд – это деятельность концептуализация мира» [15, 152].

Артефакты неразрывно связаны с человеком в его существовании. Кроме того, «именно в системе артефактов происходят наиболее заметные изменения во времени (новые реалии чаще появляются именно здесь), что делает данную семантическую сферу наиболее активной и подвижной» [1, 10]. Артефактная метафора, отсылающая к предметному, вещному коду традиционной мансийской и русской культур, находит отражение в виде следующих фразеологизмов: манс *кёрсоль* ‘гвоздь’, *хбмица* ‘плётка’, *юнтуп* ‘игла’; рус. *каланча*, *жердь*. Для объективации *низкого* роста человека используются такие артефакты как: манс. *сак* ‘бусинка (бисер)’, *сёхри* ‘ножичек’, *туля* ‘напёрсток’, *пасан* ‘стол’, *кёр* ‘печь’; рус. *шапка*, *кепка*, *горшок*, *стол*. Как видно, данные образы мансийского и русского языков универсально представляют собой преимущественно предметы домашнего обихода, хозяйственного быта. Универсальным в

обеих лингвокультурах является образ *стола* при репрезентации человека *маленького роста*.

В системе фразеологических выражений, репрезентирующих *рост* человека, присутствует аксиологически маркированный, универсальный образ пространства, создаваемый в результате концептуализации действительности посредством языка и реализуемый в виде *пространственной метафоры*. Например, мансийские и русские фразеологизмы типа *хоса кёрсоль* ‘высокий (букв.: длинный гвоздь)’, *сак яныт* ‘маленький (букв.: с бусинку величиной)’; *длинный как жердь, от земли не видать* (*не видно*) характеризуют протяжённость пространства, его предметность, наполненность, направленность т. п.

В ходе анализа в обоих языках была выявлена *натуроморфная* метафора, объектами ассоциативной проекции которой служат явления природы. В рамках натуроморфной метафоры в понятийной сфере *мир растений фитоморфная* (растительная) метафора была выявлена только в мансийском языке как при репрезентации *низкого*: манс. *паквсам* ‘орех (кедровый)’, *пилсам* ‘ягода’, *лāхыс* ‘гриб’, *суйтил лўпта* ‘брусничный лист’; так и при репрезентации *высокого* роста человека: *тāрыг* ‘сосна’, *ййв* ‘дерево’.

Представленный фразеологический материал наглядно иллюстрирует, что в мансийском языке выявленные фитонимические компоненты могут быть распределены по таким семантическим группам как *компоненты растений* (*паквсам* ‘орех’, *пилсам* ‘ягода’, *лўпта* ‘лист’, *пāкиль* ‘ствол’) и собственно *растения* (*лāхыс* ‘гриб’, *суйтил* ‘брусника’, *тāрыг* ‘сосна’, *ййв* ‘дерево’). Кроме того, посредством фитонимических образов, связанных с продуктами питания, в мансийском языке реализуется *гастрономическая* (пищевая, кулинарная) метафора при репрезентации только *низкого* роста. В русском языке данный вид метафоры в исследуемом семантическом разряде обнаружен не был.

Зооморфная метафора в мансийском языке реализуется также только при репрезентации человека *низкого* роста посредством отождествления его со следующими животными: *āмп* ‘собака’, *лāнын* ‘белка’, *вāс* ‘утка’, *пирва* ‘чирок’, *сāлы* ‘олень’. В русском

языке данный вид метафоры представлен на основе единственного зоонимического образа при репрезентации высокого роста – образа *воробушка* (птички) в составе ФЕ *дя-дя-достань-воробушка* (птичку). В целом, в мансийском языке отмечается большее разнообразие животных, чей внешний вид, поведение, повадки служат основой метафорического переосмысления при репрезентации *роста* человека.

В связи с вышеизложенным можно прийти к выводу, что универсальное, общечеловеческое мировидение мансийского и русского народов присутствует во фразеологизмах с собирательным зоонимическим образом *птицы*: представителей семейства утиных (*утка, чирок*) в мансийской и воробьиных (*воробей*) – в русской ФКМ. Отметим, что мансийский язык в большей степени, чем русский, расположен описывать *рост* человека через аллюзию к животным.

Натуроморфная метафора, основанная на сравнении с явлениями *неживой природы*, находит своё отражение только во фразеологизмах русского языка в семантической группе *стихия* в образе земли: *от земли не видать* (не видно), *чуть от земли видать* (видно).

Кроме того, в русском языке находит отражение такой тип концептуальной метафоры как *антропоморфная* метафора: *аршин с шапкой, в пупок дышит, метр без кепки, метр с кепкой*.

Следующим существенным отличием русской ФКМ от мансийской является наличие в ней фразеологизмов, содержащих в своём составе наименования различных *мер длины*: при репрезентации *высокого* роста – *верста, сажень*; при репрезентации *низкого* роста – *аршин, дюйм* (заимст.), *метр, вершок*. Отметим, что, несмотря на отсутствие практического применения, данные названия русских мер в настоящее время продолжают активно использоваться в составе ФЕ русского языка. Кроме того в русском языке был выявлен фразеологизм, содержащий в составе имя собственное – *коломенская верста*. Выражение возникло из нелестного уподобления или сравнения долговязого человека с высокими верстовыми столбами, расставленными между Москвой и селом Коломенским, летней царской резиденцией, в царствование Алексея Михайловича.

Обсуждение и заключение

Итогами проведённого анализа фразеологизмов в семантическом разряде *рост* человека в мансийском и русском языках могут стать следующие выводы:

1) Способы и средства вербализации фразеологизмов исследуемых языков являются преимущественно одинаковыми: ядерным компонентом в преобладающем количестве случаев употребления ФЕ является имя существительное, таким образом, большая часть исследуемых фразеологизмов является *субстантивными*;

2) Анализ рассматриваемых фразеологизмов, характеризующих *рост* человека, позволяет констатировать, что более обширно и разнообразнее они представлены в мансийском языке;

3) Рассматриваемые фразеологизмы имеют поликодовый характер. При репрезентации *высокого* роста человека универсально ФЕ связаны с предметным и пространственным кодами культуры. Помимо универсальных в мансийском языке присутствует растительный, а в русском – зооморфный коды культуры.

Низкий рост в рассматриваемых ФКМ универсально связан с соматическим, предметным и пространственным кодами, при этом отмечается тяготение мансийских ФЕ к соматическому коду культуры. Национально-культурной спецификой мансийской ФКМ является присутствие в ней растительного, гастрономического и зооморфного, а спецификой русской ФКМ – наличие природного и антропного (человеческого) кодов культуры.

4) Основным средством создания образности ФЕ мансийского и русского языков при репрезентации *роста* человека является метафора. Постоянными общими моделями при репрезентации *высокого* роста человека являются артефактная и пространственная метафоры. Кроме того в мансийском языке выявлена растительная, а в русском – зооморфная метафоры. При репрезентации образа *низкого* человека универсальными также являются артефактная и пространственная метафоры. Помимо универсальных метафор в мансийской ЯКМ выявлена гастрономическая, а в русской – антропоморфная метафора и метафора неживой природы.

5) В результате сопоставительного анализа рассматриваемых мансийских и русских ФЕ было установлено, что универсальное, общечеловеческое мировидение мансийского и русского народов при репрезентации *роста* человека присутствует всего в нескольких фразеологизмах в виде: зоонимического собирательного образа *птицы*; соматического образа *пальца*; образа *стола* как артефакта при репрезентации *низкого* роста человека. Таким образом, фактически все рассматриваемые ФЕ мансийского и русского языков, репрезентирующие *рост* человека, обладают национально-культурными чертами, при этом в мансийском языке репрезентация его преимущественно оказывается связанной с различными объектами живого и, в меньшей мере, материального мира. В русской ЯКМ репрезентация *роста* по большей части соотносится с объектами материального мира.

Различия в восприятии и интерпретации тех или иных образов в составе мансийских и русских фразеологизмов можно объяснить действием не только объективного фактора, который состоит из природных и культурных реалий, характерных для одного народа и отсутствующих у другого, но и субъективного, который заключается в самой произвольной избирательности, основанной на разной трактовке одной и той же реалии во фразеологии исследуемых языков. Иными словами, исследование семантики ФЕ свидетельствует об их значительной антропоцентрической роли в отражении действительности и в общей системе номинативной деятельности языка, о возможности вербальной передачи средствами фразеологии рассматриваемого понятия. Тем не менее, совпадения в образных картинах мира всё же являются неизбежными как в силу единства человеческого феномена, так и в результате частичного совпадения картины объективной реальности.

Список источников и литературы

1. Балашова Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XIV вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 42 с.
2. Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей / Сост. Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2010. 648 с.
3. Именитые богатыри Обского края. Книга вторая. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. 171 с.
4. Именитые богатыри Обского края. Книга третья. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 204 с.
5. Именитые богатыри Обского края. Книга четвёртая. Тюмень: Формат, 2018. 214 с.
6. Именитые богатыри Обского края. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 150 с.
7. Медвежьи эпические песни манси (вогулов) / Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. 658 с.
8. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).
9. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский: Пособие для учащихся начальной школы / Е. И. Ромбандеева, Е. А. Кузакова. Л.: Просвещение, 1982. 360 с.
10. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа Языки русской культуры, 1996. 288 с.
11. Теория Н. И. Жинкина об особых кодах внутренней речи. URL: <https://lektsia.com/1x5a37.html> (дата обращения: 03.12.2018).
12. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. М.: Астрель, АСТ, 2008. 880 с.
13. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
14. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеол. единиц: в 2 т. / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. М.: Флинта, Наука, 2004. Т. 1. 831 с.; Т. 2. 830 с.
15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
16. Шесталов Ю. Макем Ат = Запах Родины. Тюмень: Тюменск. кн. изд., 1958. 44 с.

17. Шесталов Ю. Ньюлы эрыг = Языческая поэма. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. 189 с.
18. Шесталов Ю. Сайкаланэ эрыг: поэмат = Песня пробуждения: поэмы. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1965. 56 с.
19. Шесталов Ю. Эпос. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1968. 55 с.
20. Cardillo E. R., Schmidt G. L., Kranjeck A., Chatterjee A. Stimulus design is an obstacle course: 560 matched literal and metaphorical sentences for testing neural hypotheses about metaphor // *Behavior Research Methods*. 2010. № 42 (3). Pp. 651–664.
21. Cardillo E. R., Watson C., Chatterjee A. Stimulus needs are a moving target: 240 additional matched literal and metaphorical sentences for testing neural hypotheses about metaphor // *Behavior Research Methods*. 2017. № 49 (2). Pp. 471–483.
22. Citron F. M. M., Goldberg A. E. Metaphorical sentences are more emotionally engaging than their literal counterparts // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2013. №26 (11). Pp. 2585–2595.
23. Gargett A., Ruppenhofer J., Barnden J. Dimensions of metaphorical meaning // *Proceedings of the 4th Workshop on Cognitive Aspects of the Lexicon* (Dublin, Ireland, August 23, 2014), pp. 166–173. URL: <http://www.aclweb.org/anthology/W14-47> (дата обращения: 05.12.2018).
24. Mcquire M., Mccollum L., Chatterjee A. Aptness and beauty in metaphor // *Language and Cognition*. 2016. № 9 (2). Pp. 316–331.
25. Tendahl M., Gibbs R. W. Complementary perspectives on metaphor: cognitive linguistics and relevance theory // *Journal of Pragmatics*. 2008. № 40 (11). Pp. 1823–1864.

References

1. Balashova L. V. *Rol' metaforizacii v stanovlenii i razvitii leksiko-semanticheskoy sistemy (na materiale russkogo yazyka XI–XIV vv.)* [The role of metaphorization in the formation and development of lexical-semantic system (on the material of the Russian language of the XI–XIV centuries). Saratov, 1999. 42 p. (In Russian)
2. *Geroicheskij ehpos mansi (vogulov): Pesni svyatykh pokrovitelej* [The heroic epos of the Mansi (Voguls): Songs of the saint patrons]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: Print-Klass Publ., 2010. 648 p. (In Mansi, Russian)
3. *Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga vtoraya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands. The second book]. Khanty-Mansiysk: Izd-vo Yugrafika Publ., 2012. 171 p. (In Russian, Hungarian, Mansi)
4. *Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga tret'ya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands. The third book]. Khanty-Mansiysk: Yugorskij format Publ., 2015. 204 p. (In Russian, Hungarian, Mansi)
5. *Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga chetyortaya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands. The fourth book]. Tyumen: Format Publ., 2018. 214 p. (In Russian, Hungarian, Mansi)
6. *Imenitye bogatyri Obskogo kraya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands]. Khanty-Mansiysk: IITS YUGU Publ., 2010. 150 p. (In Russian, Hungarian, Mansi)
7. *Medvezh'i ehpichekские pesni mansi (vogulov)* [Bear epic songs of the Mansi (Voguls)]. Ed. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: Print-Klass Publ., 2012. 658 p. (In Mansi, Russian)
8. *Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov)* [Myths, fairy tales, legends of the Mansi (Voguls)]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 475 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 26) [Monuments of folklore of the people of Siberia and the Far East; Vol. 26]. (In Mansi, Russian)
9. *Slovar' mansijsko-russkij i russko-mansijskij: Posobie dlya uchashhikhsya nachal'noj shkoly* [Mansi-Russian and Russian-Mansi Dictionary: Handbook for primary school students]. Comp. by E. I. Rombandeeva, E. A. Kuzakova. Leningrad: Prosveshhenie Publ., 1982. 360 p. (In Mansi, Russian)
10. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1996. 288 p. (In Russian)
11. *Teoriya N. I. Zhinkina ob osobykh kodah vnutrennej rechi* [Theory by N. I. Zhinkin about special codes of internal speech]. Available at: <https://lektsia.com/1x5a37.html> (accessed November 19, 2018). (In Russian)
12. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinic* [Phraseological dictionary of Russian literary language: approx. 13000 phraseological units]. Ed. by A. I. Fyodorov. Moscow: Astrel', AST Publ., 2008. 880 p. (In Russian)
13. Voynova L. A., Zhukov V. P., Molotkov A. I., Fyodorov A. I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Ed. by A. I. Molotkov. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1986. 543 p. (In Russian)

14. Korolkova A. V., Lomov A. G., Tikhonov A. N. *Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: bolee 35000 frazeol. edinic: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the modern Russian literary language: more than 35000 phraseological units: in 2 vol.]. Ed. by A. N. Tikhonov. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2004. Vol. 1. 831 p.; Vol. 2. 830 p. (In Russian)
15. Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive research of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t Publ., 2001. 238 p. (In Russian)
16. Shestalov Yu. *Makem At = Zapakh Rodiny* [The Scent of the Motherland]. Tyumen: Tyumensk. kn. izd. Publ., 1958. 44 p. (In Mansi)
17. Shestalov Yu. *Nyuly ehryg = Yazycheskaya poehma* [The Pagan Poem]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1984. 189 p. (In Mansi)
18. Shestalov Yu. *Sajkalaneh ehryg: poehmat = Pesnya probuzhdeniya: poehmy* [The Song of Awakening: poems]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo Publ., 1965. 56 p. (In Mansi)
19. Shestalov Yu. *Etpos* [Etpos]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo Publ., 1968. 55 p. (In Mansi)
20. Cardillo E. R., Schmidt G. L., Kranjeck A., Chatterjee A. Stimulus design is an obstacle course: 560 matched literal and metaphorical sentences for testing neural hypotheses about metaphor. *Behavior Research Methods*, 2010, no. 42 (3), pp. 651–664. (In English)
21. Cardillo E. R., Watson C., Chatterjee A. Stimulus needs are a moving target: 240 additional matched literal and metaphorical sentences for testing neural hypotheses about metaphor. *Behavior Research Methods*, 2017, no. 49 (2), pp. 471–483. (In English)
22. Citron F. M. M., Goldberg A. E. Metaphorical sentences are more emotionally engaging than their literal counterparts. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2013, no. 26 (11), pp. 2585–2595. (In English)
23. Gargett A., Ruppenhofer J., Barnden J. Dimensions of metaphorical meaning. *Proceedings of the 4th Workshop on Cognitive Aspects of the Lexicon* (Dublin, Ireland, August 23, 2014). pp. 166–173. Available at: <http://www.aclweb.org/anthology/W14-47> (accessed December 05, 2018). (In English)
24. Mcquire M., Mccollum L., Chatterjee A. Aptness and beauty in metaphor. *Language and Cognition*, 2016, no. 9 (2), pp. 316–331. (In English)
25. Tendahl M., Gibbs R. W. Complementary perspectives on metaphor: cognitive linguistics and relevance theory. *Journal of Pragmatics*, 2008, no. 40 (11), pp. 1823–1864. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Динисламова Оксана Юрисовна, научный сотрудник, БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира 14А).

ORCID ID: 0000-0002-2189-9102

o.dinislamova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Dinislamova Oksana Yuriovna, Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A).

ORCID ID: 0000-0002-2189-9102

o.dinislamova@yandex.ru